

Личность в экстремальных условиях

Валерия Мухина

ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК СЛЕДСТВИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ: 1 – ПРЕСТУПЛЕНИЯ СТЯЖАТЕЛЬСТВА: СРЕБРОЛЮБИЕ И ВЕЩЕЛЮБИЕ

Аннотация. Рассматривается асоциальное поведение, проявляемое в преступлениях стяжательства: кражи и разбои. Приводятся конкретные истории преступлений из спецотдела. Показана психологическая, исторически обусловленная, негативная зависимость человека от вещи. Преступники стяжания – опасная категория асоциальных элементов, социопатов.

Ключевые слова. Стяжательство, сребролюбие и вещьлюбие; человек – вещь – человек; психологическая зависимость человека от вещи; культура отношения человека к вещи; психология отчуждения от мира вещей; криминальная мотивация; негативные качества личности, связанные с отношением к вещи: воровство, кражи, разбои; чувство долга; деформация личности; деформация чувства личности; социопат.

Annotation. This work considers asocial behaviour shown at the offences of money-grubbing: thefts and robberies. There can be found concrete stories of offences from special department. This work presents psychological, historically stipulated, negative person's dependence on thing. The offenders of money-grubbing are dangerous class of asocial elements, sociopaths.

Key-words: money-grubbing, greed for money and belongings; person – thing – person; psychological person's dependence on thing; psychology of estrangement from the world of things; criminal motivation; negative features of personality connected with attitude towards thing: stealing, thefts and robberies; sense of duty; personality deformation; deformation of sense of personality; sociopath.

Много таких вещей,
которые умножают суету...
(Еккл. 6:11)

Сребролюбие – злая
страсть человеческая

Я уже обращалась к Нилу Синайскому, который предупреждал, что *сребролюбие – корень всех зол*.

Действительно, если обратиться к истории человечества, то бросается в глаза картины многостыжательных, агрессивных войн народов и отдельных человек за золото-серебро и за вещи, которым придается статус ценности.

Святые отцы еще многие тысячи лет тому назад назидали, что похотение сребролюбца не насыщаемо: у любостыжательного забота о богатстве – всегда болезнь. Множество помыслов о богатствах терзают человеческие сердца.

Св. Иоанна Кассиан полагал, что дух сребролюбия – страсть чуждая и не свойственная природе человека [1]. Полагаю, что по собственной святости и по причине отсутствия у него самого духа сребролюбия, Св. отец полагал, что природе человека не свойственно стяжательство. Он писал о чистом и просветленном человеке.

Наша несправедливая
зависимость от
всего, что было
создано
человечеством в его
истории

Но мы, люди, существа сложные, амбивалентные: в нас присутствует стремление к высокому, но мы же исповедуем нашу несправедливую зависимость от всего того, что было создано нами в нашей истории. Зависимости наши предопределены историей нашего восхождения к культуре и цивилизации. Мы зависимы: от предметного мира; от знаков, – их значений и смыслов, – которые определяют наше место в системе социальных отношений; от моральных ценностей и от ценностей аморализма.

У недуга
сребролюбия много
вариаций

Святые отцы предупреждали, что у недуга сребролюбия много вариаций, которые плохо распознаются. Св. Иоанн Кассиан не уставал повторять, что «число страстей нападающих на нас, больше числа добрых расположений сражающихся за нас» [2].

Напомню моему Уважаемому Читателю, что Св. отцы всегда были озабочены многостыжательностью человек. Св. Ефрем Сирианин указывал на то, что «многостыжательный опутан попечениями <...> и похотения сребролюбца не насыщается...» [3].

Сребролюбие – одна
из форм фетишизма

Известно: сребролюбие – понятие, которое вбирает в себя все формы фетишизации: драгоценных металлов, денежных знаков, драгоценностей, а также всех видов собственности.

Негативные стороны
отношения к
предметному миру

Здесь я хотела бы обратить внимание моего Читателя на существенные особенности предметного мира с его негативной обратной стороны.

В своей истории человек породил предметный мир, который начинает испытывать на прочность его психологию, его личностные и социальные качества.

Испокон веку мир вещей стал *средой обитания, условием человеческой жизни*. В тоже время сама психология человека переводит натуралистически-предметно е бытие вещи в ее символическое бытие. Именно это символическое господство вещи над человеком определяет то, что человеческие отношения опосредованы вещами: вещи выступают в нашем сознании в разных значениях и смыслах. В человеческой культуре очень часто вещи презентуют человека перед другими людьми («Встречают по одежке...»).

Человек – вещь –
человек

Исторически складывающаяся система отношений к вещному миру наглядно представлена в известной модели: *человек – вещь – человек*. Модель раскрывает, во-первых, связь человека с вещью; во-вторых, зависимость оценки человека человеком от принадлежащих ему вещей. Кроме всего прочего, вещь может представлять человека в мире, так же как представляют его индивидуальные качества: ум, толерантность, агрессивность, доброта и другие личностные особенности.

В новой России от идеологии обесценивания частной собственности общество развернулось в противоположную сторону: от обесценивания вещи, от значений вещи, реальная ценность которой нивелировалась, утаивалась, к значению вещи как *фетиша*. Сегодня место отдельного человека среди других людей реально определяется не только его социально и личностно значимыми качествами, но и обслуживающими его вещами, которые репрезентируют человека в социальных отношениях (дом, квартира, машина, земля и другие престижные на сегодня вещи) [4].

Иерархия вещей в
предметном мире

Среди вещей существует определенная иерархия.

Важное место в ряду особо значимых рукотворных предметов занимают в сознании и чувствах человека: дом, внутреннее убранство дома, технические средства, обслуживающие современные потребности, «раскрученные» предметы массового спроса. Сегодня в России *предметный мир как частная собственность стал знаком социального места владельца*. Однако каждый человек не может поспеть за изменяющейся сменой ценностей – ни в плане личных (физических, интеллектуальных, нравственных), ни в плане социальных возможностей.

Частная
собственность как
знак социального
места владельца

Сегодня в России предметный мир как частная собственность стал знаком социального места владельца в гораздо большей степени, чем в период, когда идеология вела общество к коммунизму. Перестройка сознания дело сложное. Человек, как социальная единица общества, начинает испытывать *возмущение* по отношению ко всему, что лишает его сознание усвоенных опор. У многих, особенно в первое десятилетие образования новой России, возмущало, вызывало агрессию и зависть то, что у кого-то появилась личная собственность.

Смена общественных ценностей в отношении к предметному миру простимулировала во многих людях те негативные образования, которые всегда сопутствовали позитивному развитию общества или отдельного человека. В обществе усилились *зависть, вандализм*. Усилился накал преступлений, связанных с предметным миром, с вещами. Конечно, может казаться, что сама по себе вещь нейтральна. В действительности это не так: вещь – знак культуры; вещь определяет мотивацию отношения к ней.

Отдельная вещь в целостном комплексе с другими вещами – особая, рукотворная природа человека, создающая сила человеческого бытия. Совокупность вещей, принадлежащих отдельному человеку, как частному лицу есть *имущество*. Слово *иметь* одного корня и единых смыслов со словом имущество. Иметь – владеть чем-либо на правах собственности. Владимир Даль писал: «Что у кого есть, то он *имеет*».

Культура отношения
человека к вещи

В отношении к вещам в истории сложилась целая культура: во-первых, вещи *создают* (или *приобретают*) и *хранят*; во-вторых, вещи *используют* по функциональному назначению; в третьих, ими *любуются* как предметами, несущими в себе эстетическую ценность; в четвертых, к ним могут относиться как к *фетишу*; в пятых, их *дарят* друг другу, а подарок веселит душу тому, кто получает его и радуется дарителя. Перечень культурного отношения к вещи можно продолжить.

У вещи обычно есть хозяин. Вещь принадлежит хозяину. Конечно, можно говорить об обобществленности пользования вещью: различают вещи личные, семейные, публичные, нейтральные и т.д. Вещи в целом находятся в состоянии модернизации, мутации, экспансии. Вещи отвечают то функциональным, то эстетическим, то символическим потребностям человека. Вещи вплетены как во внешние условия человеческого бытия, так и в сферу психических переживаний по поводу бесконечного разнообразия значений и смыслов вещи.

Как творение человеческого духа, вещь вербализирована: она предполагает «имя» вещи, со связной, социально-обусловленной, системой значений, стоящей за наименованием вещи. В то же время вербализация вещи может состоять в ее фетишизации, в ее анимизме и других формах человеческого одушевления вещи. [Вспомни, например, в мифах и сказках вещи сотрудничают с человеком или вредят ему. У Г.Х. Андерсена вещи общаются между собой, конкурируют, и многое другое].

Ж. Бодрийяр, обсуждая проблему системы вещей, писал: «В психологическом социологическом дискурсе о вещах нам постоянно приходится учитывать... своего рода уровень технологического языкового кода (Langue). Только исходя из этого кода, из связной технической модели, возможно понять и то, что происходит с вещами, когда они оказываются производимы и потребляемы, обладаемы и персонализируемы» [5].

Уникальность и
массовость вещи

В культурном значении вещь может обладать *уникальностью* и *массовостью*, *серийностью* своего происхождения. Она может оцениваться как *подлинная* и как *стандартная*.

В индивидуальном сознании человека культурные характеристики вещи могут быть микшированы или перепутаны. Они могут быть переживаемы как одухотворенные. Ж. Бодрийяр писал: «... в определенный момент вещи, помимо своего практического использования, становятся и чем-то иным, глубинно соотносимым с субъектом; это не просто неподатливое материальное тело, но и некая психическая оболочка, в которой я царю, вещь, которую я наполняю своим смыслом, своей собственностью, своей страстью» [6].

В искусстве давно существует традиция выражения особого восхищения миром вещей. Натюрморты, интерьеры, городские пейзажи – целые направления в искусстве. Возведение отдельной обыденной вещи до уровня искусства – инновации XX столетия. Художники Джордже Моранди, Карло Карра, Доменико Ньюли создали новый стиль в искусстве – от монохромных натюрмортов до изображения отдельной обыденной вещи. Так, предметы, изображаемые Доменико Ньюли – обычные, повседневные вещи: костюм; туфли; «Воротник рубашки 15 ½»; «Пуговица».

Психология
отчуждения к миру
вещей

Становясь объектом потребления, вещь обретает значение знака. Она начинает обозначать социальную, символическую свою значимость; она может перестать быть «вещью в себе», предметом, предназначенным для

определенного употребления, предметом «теплым», любимым, приносящим чувство покоя и защищенности. *Отношение* к вещи, эмоции, вызываемые вещью более не переживаются. Человек становится *отчужденным* к миру вещей и начинает оперировать вещью как знаком, за которым стоит цена вещи.

В сознании отдельного человека может доминировать денежный эквивалент вещи, а не сама вещь как таковая. Это может быть результатом профессиональной деятельности (оценщик, например), это может быть результатом искаженного самосознания человека.

Негативные качества личности, связанные с отношением к вещи

Развивающиеся в истории вместе с человеческим сознанием бесконечные варианты отношения к вещи от глубинного переживания идентификации с предметом до крайнего отчуждения от вещи, влияют на образование негативных феноменов в поведении и самой личности человека. Человеческой культуре сопутствуют не только *аккуратность и бережливость в отношении к вещи, но и жадность*. У человечества в содержание психических заболеваний входит особое отношение к чужой вещи, периодически и внезапно возникающая страсть – клептомания. Неудержимое желание украсть чужое имущество, клептомания, сопровождается сильными эмоциями: тревогой, страхом перед разоблачением и чувством облегчения после совершенной кражи и безнаказанности.

Социальный недуг – преступление в отношении к чужой собственности

Социальным недугом можно считать преступления в отношении к чужой собственности. Испокон веку обществу сопутствовали табуированные проявления человека в отношении к вещи: кражи, грабежи, разбой.

Мир вещей создал человеку особые условия, обеспечивающие *защиту* от природных невзгод, *вооружил орудиями труда*, создал эстетический фон повседневной обыденной жизни, создал возможность для разнообразного, обогащенного видения сущностных особенностей вещи «в себе». Мир вещей очеловечил и продолжает развивать человека в этом отношении.

Однако есть и обратная сторона влияния вещи на человека.

Обратной стороной позитивно направленной силы вещи на сущностное развитие человека является ее разрушительная сила. Создание человечеством реалий предметного мира имеет и негативные последствия: вещи могут начать манипулировать сознанием, мотивацией и поступками людей. Крайние проявления человека в связи с зависимостью от вещей становятся не только осуждаемыми, но и наказуемыми.

Известно библейское определение: «*Жадные душою, не знающие сытости*» (Ис. 56:11). Ненасыщаемость стяжательства толкает человека в ад: «*нечестивые же да посрамятся, да умолкнут в аде*» (Пс. 30:18).

Кража – тайное хищение чьей-либо собственности, воровство. Кража сопряжена с грабежом – с открытым разбоем. Тайное становится явным, вызывает агрессию у вора, который уже не воровски, а нахрапом изымает чужое добро.

Кража – тайное хищение чьей-либо собственности

Кража, грабеж, разбой – корыстные и насильственные преступления, обращенные против отдельной личности и общества в целом. Преступления против человека, сопряженные с присвоением вещей и насильственными действиями, деформируют личность, изменяя ее типологию и мотивацию жизненной позиции. Добродетели перестают наставлять, контролировать и управлять личностью преступившего мораль. Вор, грабитель, а также корыстный убийца становятся циничными, отчужденными от других, подозрительными и т.д.

Истории из спецотдела

Истории некоторых хищений ужасают. В азарте корысти присвоение чужого добра ненасыщаемо. Приведу несколько случаев из материалов спецотдела.

История первая. Подельники похитили: кофух, шубу чернобурой лисы, джинсовые брюки, три бритвенных станка, будильник, ключи гаражные, футболку, фотоаппарат, кассеты спички, носки и много мелких вещей. Подельники воспользовались знакомством и доверительными отношениями с жертвой, вошли в квартиру...

История вторая. Преступник похитил видеомаягнитофон, устройство для перезарядки батареек, видеокассеты, упаковки ароматизированных салфеток, кремы, духи, бутылку коньяка «Шабо Наполеон армяньяк», зажигалку, две упаковки ароматизированных салфеток, кремы, духи и много другого.

История третья. Подельники похитили: фотоаппарат, видеомаягнитофон, видеокамеру, электронную записную книжку, серебряные серьги, серебряные подвески, шкатулку с гравировкой, золотые и серебряные цепочки, брошки, браслеты, бусы и много других вещей...

История четвертая. Преступники похитили из квартиры следующее имущество: шесть серебряных серег, четыре серебряные позолоченные подвески, шкатулки с гравировкой, шесть золотых и серебряных цепочек, брошки, браслеты, бусы из жемчуга и янтаря, серебряный лом, пять видеокассет «Сони», много других вещей.

История пятая. Преступники присвоили чужое имущество: 16 авторучек производства КНР, фоторужье, 10 авторучек, две подозрительные трубы, мохеровый шарф производства Индии, сорочку мужскую производства Сирии, кухонный комбайн производства ГДР, набор ложек и вилок на шесть персон, восемь деревянных брелков, магнитола «АРТЕСН», четыре пачки индийского чая, две футболки, банку растворимого кофе, три газовых зажигалки, десять пачек сигарет «Ява», «Тройка», «Стюардесса», перчатки мужские, шесть видеокассет, книги: «Библия» и «Крестный отец», дезодорант «Квартет». Всего более 50 наименований.

Все истории похожи одна на другую поразительно. За ними – некая единая тенденция падения человека в тартар, в преисподнюю. Если кто-то из преступников полагает, что его история уникальна, он глубоко заблуждается. Есть жестко выраженная закономерность в подобном грехопадении. Кражи, разбой, грабежи – обратная сторона отношения человека к вещи.

«Не укради», «не убий»

Возникновение негативных, сопутствующих прогрессу человечества, сторон, конечно же, можно объяснить с научной точки зрения. Но вот не поддаваться искусу, – заложенному в условия человеческого существования, а так же в заявленном основных заповедях, рожденных еще в родовых культурах: «не кради», «не убий» – основополагающее правило жизни человека среди людей.

Человечество в процессе своего развития разработало: систему *табу* (запреты, налагаемые на какое-либо действие, поступок, нарушение которого неукоснительно карается), *законы* (нормативные акты, обладающие высшей юридической силой), а также провозглашаемую и изустно повторяемую *систему прав и обязанностей*, включенную в содержание религий и обыденных ориентиров человека.

Чувство долга – регулятор поведения

Регулятором социального поведения является чувство *долга* – это могущественное чувство, которое делает человека человеком. Мыслители давно провозгласили, что из всех различий между человеком и низшими животными самое важное – нравственное *чувство*, или *совесть*. Долг как нравственное чувство преобладает над другими побуждениями человека. Так, Ч. Дарвин анализируя происхождение, или родословную человека, писал о том, что слово «должен» исполнено высокого значения. «Мы видим в нем благороднейшее из всех свойств человека, заставляющее его без малейшего колебания рисковать своей жизнью для ближнего; или,

Селекция аморальна

после должного обсуждения, пожертвовать своей жизнью для какой-нибудь великой цели в силу одного только глубокого сознания долга или справедливости» [7].

Наблюдая современное общество, с горечью следует признать, что Ч. Дарвин ошибался, когда с надеждой на общий прогресс писал: «Что касается нравственных качеств, то устранение самых худших наклонностей делает постоянные успехи даже у наиболее цивилизованных народов». Великий натуралист исходил из естественной для его области знаний – из наследственности и селекции. Он писал: «Преступников казнят или заключают в тюрьмы на долгое время, так что они не могут свободно передавать по наследству своих дурных качеств» [8]. Полагаю, что селекция аморальна.

Властен ли человек над собой?

Ч. Дарвин, как светлая и высоко нравственная личность, полагал, что человек под давлением столь могущественного чувства, как укоры совести, может решиться на поступок. «Человек, побуждаемый своей совестью, путем долгой привычки, приобретает со временем такую полную власть над собой, что без всякой душевной борьбы способен мгновенно жертвовать своими желаниями и страстями в угоду общественным инстинктам и симпатиям... Человек, несмотря на голод или желание отомстить, и не подумает о том, чтобы украсть что-либо или осуществить свою месть» [9] (выделено мной – В.М.).

Безусловно: нравственное чувство, или совесть, показатель долгого развития человеческого духа на протяжении столетий и тысячелетий. Однако чувство долга – это высший нравственный талант человека. В развитии человеческой сущности, я убеждена в этом, всегда присутствует амбивалентность, полярные проявления одного и того же качества. Морали противостоит аморальность. Честность противостоит – лживости, потребительству, кражам, насильственному присвоению чужого. Если заглянем в далекое прошлое и взглянемся в сегодняшний день, то убедимся в том, что у человечества остаются одни и те же проблемы в связи с моралью.

Вербальные знаки
долженствования

Вся материальная и духовная сторона человеческого бытия включается в реальность социального пространства. Ребенок с раннего детства слышит знаковые для развития его поведения и чувств слова, которые становятся регуляторами его социальной самопрезентации. Регулятор поведения резюмируется в слове «должен», а также в полярных эталонах долженствования и полярных оценках поведения, связанного с долгом. Это

ориентирующие ребенка в реальности социального пространства парные знаки долженствования «можно» – «нельзя», «хорошо» – «плохо»; это парные эталоны, указывающие на диапазон морального уровня развития: «хороший» – «плохой».

«Можно» – «нельзя» – полярные знаки пределов дозволенности. Это: ориентиры в социальном пространстве отношений людей друг с другом; ориентиры дозволенного в рукотворном, предметном мире и в природе.

«Можно» – всегда в значении разрешения.

«Нельзя» – всегда в значении запрета, табу; это значит: недолжно, запрещено, не может статься.

«Хорошо» – «плохо» – полярные оценки. «Хорошо» – это всегда положительная оценка происходящего. «Плохо» – это отрицательная оценка происходящего. Ф. Ницше, рассуждая о генеалогии морали, писал о том, что в сущности «хорошо» и «плохо» человечество суммировало и санкционировало свой *незабытый* и *незабываемый* опыт о полезности – целесообразности и вредно-нецелесообразности. И далее он констатировал: «Обе противораставленные ценности – «хорошее и плохое», «доброе и злое» – бились на земле тысячелетним смертным боем; и хотя, несомненно то, что вторая ценность давно уже взяла верх, все-таки и теперь еще нет недостатка в местах, где борьба продолжается вничью. Можно бы было сказать даже, что она тем временем вознеслась все выше и оттого стала все глубже, все духовнее: так что нынче, должно быть, нет более решающего признака «*высшей природы*», природы более духовной, нежели представлять собою разлад в этом смысле и быть все еще действительной ареной борьбы для названных противоположностей» [10]. Философ Ф. Ницше был и тонким психологом.

Бесконечный процесс борения в человеке добра и зла

Борение «хорошего» и «плохого» в нас – бесконечный процесс: победа хорошего над плохим сегодня, не значит, что так будет и завтра. Победа плохого над хорошим не значит окончательного отрешения от покаяния или полного исчезновения тяги человека к хорошему. В человеке, покуда он жив, может прорасти разлад между добром и злом, его душа – всегда арена борьбы неизменно существующих противоположностей.

Нехорошо быть лицеприятным к нечестивому

Оценка «хорошо» – «нехорошо» пронизывает библейские тексты и притчи [«Хорошо, если ты будешь держаться одного» (Еккл. 7:18); «Нехорошо быть лицеприятным к нечестивому» (Прит. 18:5); «Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (Мф.15:26)]. Человечество испокон веку пытается организовать моральные ориен-

тиры для отдельной личности и для общества в целом. Но испокон веку люди не справляются с обязательствами, которые общество налагает на своих членов и которые сам человек налагает на самого себя.

В раннем детстве ребенку подчас трудно, иногда почти невозможно затормозить начатое действие в ответ на запрет «нельзя этого делать!». Начатое действие стремится к завершению внутренней команды. В психике ребенка уже в детстве должны быть сформированы сложные интегративные связи, блокирующие общественно запрещаемые действия и поступки. Реально ребенок в этом отношении может развиваться достаточно спонтанно: попустительство, незаинтересованность, невмешательство не содействуют развитию долженствования.

Кроме того, для определенной категории детей запрет выступает как препятствие, которое они хотят преодолеть. Поэтому так часты нарушения норм и правил в детстве и отрочестве. Однако здесь может быть всего лишь отягощенный этап возрастного развития.

Криминогенная
мотивация

У взрослого человека, имеющего криминогенную мотивацию присвоения чужого любыми средствами, может быть несколько типов мотивов. Сюда относятся: 1 – мотивы, порожденные гипертрофированными потребностями и притязаниями материального характера; 2 – мотивы, вызванные нуждой в разрядке устойчивых отрицательных эмоциональных состояний (например, переживанием чувств тревоги, отчужденности, неполноценности, обиды, зависти, злости, агрессии и др.); 3 – мотивы, порожденные фиксированным чувством неприязни по отношению к конкретным людям или категории людей; 4 – мотивы, обусловленные потребностями в социально отчужденном образе жизни; 5 – мотивы, вызванные юридически неадекватными стереотипами и др. [11].

Негативные, криминогенные мотивы тяжелы тем, что потребности, возникающие под влиянием мотивационного многообразия, становятся ненасыщаемыми. Преступившие законы должны быть наказаны судом. Но преступившие законы по злому умыслу, нарушившие человеческую заповедь долженствования наказаны еще и тем, что личность их продолжает развиваться в криминогенном направлении. Падение через социальное деяние ведет к падению самой личности. Множественность асоциальных действий множит и усугубляет пороки человека...

Кражи деформируют
личность

Преступления, совершаемые ради присвоения вещей тебе по закону не принадлежащих, деформирует личность. Язык четко разделяет значения и смыслы слов «свое» и «чужое».

Свое – собственное, принадлежащее себе; личное имущество, личная собственность или находящееся в распоряжении данного лица.

Чужое – не мне принадлежащее, являющееся собственностью другого; то, что принадлежит другому.

В русском языке существует множество пословиц и поговорок, отражающих глубинный смысл законообразующих понятий *свое–чужое*. Меткий и образный язык в пословицах, поговорках, речениях, присловиях, приблудках и проч. из века в век передает каждому новому поколению азы и тонкости народной мудрости. В свое время (более 100 лет тому назад) Вл. Даль собрал их множество. В его собрании есть пословицы, отражающие нюансы наших представлений о своем и чужом, есть рубрика «Свое – чужое». В толковом словаре живого великорусского языка Вл. Даль начинает иллюстрировать слово «свой» следующим образом: «Я живу в своем доме, а он в своем»; «Держи свой табак, а на чужой не надейся»; «Всякий свое несет»... «Чужого ища, свое потерял»... Свое–чужое понятия, которые, ребенок начинает усваивать с раннего возраста. «Не тронь! Чужое!» – наставляют малого ребенка.

«Свое» и «чужое»

Уверена, что даже в очень непростых условиях жизни ребенок постоянно слышит «Это не твое! Не тронь!», «Это чужое!», «Это мое!». Эти слова естественным образом определяют границы дозволяемого. Поэтому укравший, отнявший, убивший ради корысти чувствует и понимает, что нарушил границу дозволенного – преступил черту.

Жадные душою не знают сытости

Преступления, совершаемые ради присвоения чужих вещей, деформируют личность. Они – «жадные душою, не знающие сытости» (Ис. 56:11). Человеку, укравшему, насильственно отнявшему вещи, приходится строить баррикаду мотивов для самооправдания. Во всех мировых религиях человека наставляют о бережнии себя от сребролюбия.

Вспомним «святые уроки» святых отцов ко всем жаждающим духовной жизни [12]. В наставлениях преподобного Нила Синайского относительно *сребролюбия* читаем: «Сребролюбие – корень всех зол; как худые ветви, питает оно все прочие страсти и не дает засыхать тому, что от него процвело». ... «Многостыжательный опутан попечениями, и как пес привязан цепью... скорбное воспоминание об имуществе несет с собой, как тяжелое и бесполезное бремя»... «Море не наполняется, принимая в себя множество рек, и похотение сребролюбца не насыщается собранным уже имуществом; удвоил он его, – и удво-

Сребролюбие –
корень всех зол

Преступивший
заповеди, укравший
чужое, попав в
тюрьму, теряет свои
собственные вещи

енное снова удвоить желает; и никогда не перестает удвоить, пока смерть не прекратит сего бесполезного труда»... «Проклят, кто делает идола и полагает его в сокровении* (Втор. 27:15). Но таков же и питающий страсть сребролюбия. Тот без пользы кланяется ложному богу, а этот мечту о богатстве носит скрытно в сердце, как кумир» [13].

Святой Апостол Павел во втором послании Тимофею предрекал: «В последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, *сребролюбивы*, горды, надменны, злоречивы...» (2-е Тим. 3:1-2). И далее указывается на множественность человеческих пороков... Мы здесь и сейчас обсуждаем сребролюбие, «ибо корень всех зол есть *сребролюбие*» (1-е Тим. 6:10). За жадность к чужим вещам, за сребролюбие и насилие над людьми преступившие черту осуждены и отчуждены от общества. *За преступлением следует наказание.*

Преступивший заповеди и, следовательно, закон попадает в изоляцию.

Преступник в изоляции роковым образом лишается всего того, чем стремился овладеть минуя заповеди и законы. В результате он теряет возможность иметь свой дом, свои престижные и значимые вещи.

Дом занимает особое место в сознании человека. Дом – понятие антропо-центрическое. Это всегда строение для проживания семейства. Умение жить домом – особая ценность. В доме происходят основные таинства семьи: 1 – свадьба; 2 – зачатие, рождение, празднование дней рождения; 3 – похороны усопших; 4 – праздники. В доме: мать ждет сына; жена – мужа; дети – отца. Дом ответственен за бытие.

Дом – это рукотворное строение и кровные люди, в нем проживающие, семья. Человек в благоприятной ситуации осуществляет себя в своем доме, *как хозяин самого себя*. Он *любит* свой дом, *хочет* домой, *тоскует* о нем, когда находится вдали от него. В норме – человек относится к своему дому по закону добра, справедливости и красоты [14].

В число основных ценностей осужденных входят в первую очередь дом и семейное благополучие. Осужденные, как то свойственно всем людям, тоскуют о доме и близких.

* Указывается текст Библии – книги Священного писания Ветхого и Нового Завета: «Проклят, кто сделает изваянный или литой кумир, мерзость перед Господом, произведение рук художника, и поставит его в тайном месте!» Пятая книга Моисеева. Второзаконие [27:15].

Деформация чувства личности

Осужденный попадает в условия, которые лишают его свободы и определяют особое физическое и психическое самочувствие. К числу этих условий следует отнести те, которые связаны с предметным миром: 1 – несвобода от обязательного режима; 2 – крайняя бедность предметного мира в местах заключения; 3 – скученность на малом пространстве [15]. Режим, скученность и недостаточность предметного окружения – условия, которые деформируют чувство личности.

Наказание оскудением предметного мира

Бедность, ограниченность предметного мира нарушает феноменологически присущую человеку потребность в многообразии рукотворного мира и возможности свободно обустроить свою предметную среду. Преступивший закон теряет право иметь свой дом, свои любимые и значимые вещи. Те вещи, которыми владеет осужденный в камере – примитивны, ветхи, всегда банально серийны. Эти вещи различаются скорее «по недостатку», чем по качеству.

Даже число книг в камере ограничено: три – допустимое количество книг на одного осужденного.

Известная модель представленная К. Марксом *человек-вещь-человек* в условиях наказания показывает лишение человека исторически обусловленного права на самопрезентацию посредством вещи. Конфискация имущества, малое число личных вещей в камере – сопутствующее наказанию условие.

К. Маркс и Ф. Энгельс, анализируя Экономия Нового Завета, писали: «Я» рождается через *упорное восхождение из мира вещей к «собственному» воззрению и овладению этим миром* [16].

Наличие личного предметного мира подчеркивает феноменологическую сущность человека

Конечно, развивающееся «Я» отдельного человека восходит к духовному началу, ограничивая место вещи в своем представлении о высших ценностях. Однако отсутствие вещей или их предельная ограниченность в реалиях жизни лишают человека его феноменологической сущности.

Лишение, ограничение предметного мира, недостаток качества вещи – *чрезвычайное наказание*. Таким образом преступления **стяжательства, корыстолюбие** оборачиваются для самого стяжающего потерей имущества и денег. Кроме того открытое причисление человека к категории «вор» стигматизирует его в высшей степени.

Стяжание чужого разрушает человека как личность

Падкие на стяжание чужого добра не верят в то, что воровское стяжанье впрямь не пойдет, не ведают, что несправедное стяжание – огонь, пожирающий самого человека.

Стягающие чужое уничтожают спокойное течение времени жизни обычных людей, они создают хаос в сердцах, умах и чувствах своих жертв. Стяжатели – социопаты по сути своей.

1. *Св. Иоанн Кассиан*. Обозрение духовной брани // Добротолюбие. Т. 2. – М., 1998. – С. 49.

2. Там же. – С. 53.

3. *Св. Ефрем Сирианин*. Подвижнические наставления // Добротолюбие. Т. 2. – М., 1992. – С. 255–256.

4. *Мухина В.С.* Реальность предметного мира. В кн.: Возрастная психология. Феноменология развития. – 11-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – С. 11–24; *Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность. – Екатеринбург, 2007. – С. 48 – 101.

5. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. – М., 1995. – С. 4–5.

6. Там же.

7. *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор. – М., 1953. Т. 5. – С. 24.

8. Там же. – С. 248.

9. Там же. – С. 230.

10. *Ницше Ф.* «К генеалогии морали». Полемическое сочинение. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. – М., 1990. – С. 435–436.

11. Криминальная мотивация / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М., 1986; *Антоян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступника и расследования преступлений. – М., 1996; *Пастушеня А.Н.* Криминогенная сущность личности преступника: Методология познания и психологическая концепция. – Минск, 1998.

12. *Добротолюбие* в русском переводе святителя Феодана, Затворника Вышенского. В пяти томах. 1998. Т. 2. – С. III.

13. Там же. Аскетические наставления Преподобного Нила Синайского. – С. 255–256.

14. *Мухина В.С.* Предметный мир как жизненное пространство личности // Развитие личности. 2003. №2. – С. 227–234.

15. *Мухина В.С.* Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. 2002. №3. – С. 51–60; 2002. №4. – С. 100–114.

16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Избр. соч. в 9-ти тт. Т.2. – М., 1985. – С.216.